

АГО КЮННАП (Тарту)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБЩЕСАМОДИЙСКОГО ОКОНЧАНИЯ ПРОЗЕКУТИВА *

Общесамодийское окончание прозекутива (продольного падежа) имеет большое количество фонетических вариантов: нен. *-mana*, *-mna*, *-mña*, *-mñe*, *-βana* и т. д., эн. *-mone*, *-mon*, (начальный согласный утрачен:) *-ane*, *-one*, *-one*, *-onj*, *-on* и т. д., нган. *-manu*, *-tänu*, *-täñj* и т. д., сельк. *-man*, *-men*, *-men*, *-mat*, *-mut*, *-met*, *-met*, *-βan*, *-βaŋ*, *-βeŋ*, *-βjñ* *-βj*, (начальный согласный утрачен:) *-on*, *-ot*, *-un*, *-ut*, *-ud* и т. д. Примеры: нен. (В) *pétala|mna* 'по лесу', эн. (М) *mugān* то же (< **muga|an* < **muga|on* < **muga|βon* < **muga|mon*), нган. (Т) *nilimi|məñj|ni* 'при нашем житье', сельк. (К) *kanak|men*, *kanəŋ|men*, *kanə|un* (от *kanak*, *kanəŋ* 'Hund').

В имеющихся записях по саяносамодийским языкам это окончание прозекутива не обнаруживается. Но укажем, что А. И. Йоки поставил все же вопрос о том, не следует ли видеть следы этого окончания в некоторых камасинских наречиях-последелогах, например, (К) *nāman* 'im, wegen, für, anstatt', (А) *kāman* 'тогда'. Такая возможность в принципе допустима, но представляется более вероятным, что здесь мы имеем дело со словообразовательным суффиксом *-mV. Считается, что и сельк. (П) *namjñ*, *namjñ* 'deshalb, deswegen, darum' представляет собой форму прозекутива от указательного местоимения *na* 'dies(er), das, da' (см., напр., Erdélyi 1970 : 1476), но ср. явные производные основы того же местоимения *namj*, *nammj* 'dieser, dies da, das' (там же). Слово *namjñ*, *namjñ* является, на наш взгляд, не формой прозекутива, а формой ин-структива (или, точнее, модали) на *-n*, (>) *-t* от указанного *namj*. Тот же словообразовательный суффикс *-mV мы находим, видимо, и в наречиях кам. (К) *taβa* 'nach oben, aufwärts', *ta'man* 'oben', сельк. (П) *tāmj* 'dorthin, hin-'. (См. несколько подробнее Künnap 1971 : 131—132). Т.-Р. Вийтсо считает, что обе точки зрения — А. И. Йоки и наша — совместимы, так как различие в данной ситуации последелогов и словообразовательных суффиксов, на его взгляд, — лишь вопрос вкуса (Viitso 1972 : 440). Надо полагать, он имеет здесь в виду примерно то, что словообразовательный суффикс *-mV получен из последелога, а во времена образования общесамодийского окончания прозекутива еще шел

* Текст доклада, зачитанного Ю. А. Моревым в 1977 г. на IV Дульзонских чтениях (на локальной научной конференции по языкам народов Сибири) в Томском государственном педагогическом институте им. Ленинского комсомола.

процесс перехода соответствующего послелого в действительный суффикс.

Рассматриваемое общесамодийское окончание прозекутива можно, по всей вероятности, возвести к прасамодийскому языку и реконструировать в форме $*mVnV$ (см. также Künnap 1971 : 125). Но вопрос о происхождении этого окончания остается все еще нерешенным, хотя обычно считается, что оно происходит из послелого. На последнее обстоятельство указывает, в первую очередь, то, что окончание прозекутива в парадигме множественного числа в северносамодийских языках присоединяется часто к форме генитива множественного числа, например, (Т) *jale¹mana¹ta* 'по дням его', ср. ген. мн. ч. *jale¹* (*jal'a* 'день'). Конечный компонент $*-nV$ прасамодийского окончания прозекутива обычно идентифицируется с окончанием локатива $*-nV$ (последнее имеет праруральское происхождение) (см. Künnap 1971 : 110, 125, 129; Viitso 1972 : 440—441). В саяносамодийских языках (или по меньшей мере в камасинском) это общесамодийское падежное окончание прасамодийского происхождения, надо полагать, утрачено, причем, возможно, под влиянием тюркских языков; полное отсутствие его следов в этих языках заставляет нас считать, что с возможностью, что соответствующий послелог в них никогда окончательно и не перешел в действительное падежное окончание прозекутива.

Говоря о том, что какое-то падежное окончание в уральских языках происходит от послелого, мы имеем обычно в виду его сравнительно позднее послеложное происхождение: послелог перешел в действительный падежный суффикс после того, как образовались основные общесамодийские падежные суффиксы, т. е. $*-n$ генитива-модали, $*-m$ аккузатива, $*-nV$ локатива и $*-tV$ аблатива. Хорошо известно, что в конечном итоге почти все древние суффиксы в уральских языках происходят из отдельных слов и имеют, таким образом, в известном смысле послеложное происхождение. Но указанные основные суффиксы местных падежей получены из простых, неосложненных «основ» $*nV$ и $*tV$, а более поздние суффиксы местных падежей послеложного происхождения получены уже из осложненных падежными суффиксами форм послелогов. Примерами этого более позднего процесса могут служить северносамодийские окончания местных падежей парадигмы двойственного числа, полученные из падежных форм послелого нен. *nā-*, *ná-*, эн. *nē-*, *ne-*, нган. *nā-*, *na-*, например, (К) нен. лат. *ṇudaḥa|ñā* : лок. *ṇudaḥa|ñāna* : абл. *ṇudaḥa|ñād* : проз. *ṇudaḥa|ñaina* (*ṇuda* 'Hand'), эн. (с посессивным суффиксом 2-го лица ед. ч.) лат. *libexuto|nē* : лок. *libexuto|nene* : абл. *libexuto|nero* : проз. *libexuto|neone* (*libe* 'Adler'), нган. (с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч.) лат. *kulagajtu|nāṇ* : лок. *kulagajtu|nani* : абл. *kulagajtu|nata* : проз. *kulagajtu|namanu* (*kula* 'Rabe'). Поэтому следует ожидать, что и при образовании общесамодийского окончания прозекутива произошел переход локативной формы $*mV|nV$ послелого $*mV-$ в действительное падежное окончание $*-mVnV$. А это несовместимо с предположением о получении названного падежного окончания из словообразовательного суффикса $*-mV$ путем дальнейшего осложнения полученного образования на $*-mV$ окончанием локатива $*-nV$, как считает Т.-Р. Вийтсо (см. выше).

Нам не известны другие попытки связать общесамодийское окончание прозекутива с конкретными послелоговыми самодийскими языками, кроме предположения Э. Беккер о том, что в селькупском языке оно получено из селькупского послелого *imīn*, *imīt*, *imīt* 'по, на, над'. Далее Э. Беккер считает, что указанный послелог имеет сложную природу, причем в его состав входят *mī* 'штука, часть' и *-t* < *tō* 'тот, туда'.

(Беккер 1975 : 103). Но она вообще не обращает внимания на тот факт, что *im̄n* и т. д. является всего лишь формой прозекутива селькупского послелого (П) *i-*, *i-*, ср. лат. *i|nti*, *i|nti* : лок. *i|q̄n*, *i|q̄t*, *i|q̄t* : абл. *i|q̄ini*, *i|q̄ini* (см. Erdélyi 1970 : 41, где Э. Беккер и нашла форму *im̄n* и т. д.). Тем самым предлагаемое Э. Беккер объяснение происхождения окончания прозекутива в селькупском языке теряет смысл и полностью отпадает. Не выносит критики и реконструкция конечного компонента *-t* окончания прозекутива в форме *tō*: мы имеем здесь дело просто с диалектным фонетическим переходом *-n > -t* (см. Hajdú 1965 : 129—131; Кюннап 1970 : 119—120; Морев 1973). Серьезное внимание привлекает в то же время факт упоминания Э. Беккер в данной связи слова *m̄i* 'штука, часть'. Дело в том, что послелог, образованный от этого слова при помощи окончания локатива **-kVnV*, в селькупском языке часто переходил в падежное окончание локатива (-аблатива) *-m̄igin*, *-m̄iq̄in*, *-m̄iq̄it* и т. д., например, (П) *āt̄än|m̄iq̄it* (*āt̄ä* 'олень' : ген. *āt̄än*). Это же слово может в селькупском языке образовывать формы множественного числа имен (см. Künnap 1971 : 41—42, 97—98, 101—103).

Очень интересен анализ ненецкого послелого *m̄ū*, *m̄u-* у Т. Микола (напр., лат. *m̄ū* : лок. *m̄ūne* : абл. *m̄ūd* : проз. *m̄ūm̄ne*, см. Mikola 1975 : 72—76), который пишет: «Der Postpositionsstamm *m̄ū-* hängt sicherlich mit dem Wort *мю* I. 'перекочевка, протяженность пути; дневной переход во время кочевки; II. нутро; внутренняя часть чего-л.' zusammen (NRSI.). Das Nenzische *m̄ū-* ist nach den bisherigen Forschungen unbekannter Herkunft, doch vielleicht steht es irgendwie mit den folgenden Wörtern im Zusammenhang: nenz. T. *m̄i*, Wald. *muñ* 'Bauch, Leib'. Nach Castrén (Wörterverz.) auch 'das Innere'; enz. Ch. *muñabo*; B. *muñobo* 'Fischmagen', Ch. *m̄unori* B. *m̄unedi* 'Magen'; ngan. *mina*, *minaiku* 'Fischmagen', *minadā* 'Magen'. Es ist denkbar, daß all diese Wörter letzten Endes von einer pronominal-adverbialen Wurzel **mo-* abstammen.» (Mikola 1975 : 182—183). Именно некая такая основа **mV-* участвовала в образовании общесамодийского окончания прозекутива **-mVnV*. Н. М. Терещенко поясняет относительно северносамодийской парадигмы склонения в двойственном числе: «Формы местных падежей представляют собой сочетание имени в дв. числе с тем или иным послелогом, чаще всего с послелогом *ня*, (нен.), *нэ* (энец.), *на* (нганас.) ... Послелог *ня*, *нэ*, *на* обозначает внешние отношения. Там, где идет речь о выражении внутренних отношений, употребляется послелог *мю* (нен.), *ми* (энец.), *кунди* (нганас.): энец. *мекэ* 'ми' ... 'в чумы-два'; ... *мекэ* 'мин' ... 'в чумах-двух'; *мекэ* 'миз' 'из чумов-двух'; ... *мекэ* 'мион' 'по внутренней части чумов-двух'» (Терещенко 1974 : 37—38). И. П. Сорокина описывает соответствующий энецкий послелог так: «Нахождение предмета внутри какого-либо пространства выражается при помощи сочетания существительного с послелогом *ми-* 'в чем-л.'. Послелог *ми-* присоединяет к себе показатели всех локативных падежей и, естественно, указывает и на движение предмета внутри пространства, и на передвижение предмета из внутренней части и по внутренней части пространства.» Например, *ossadu' oddu' mi riṇadu'* 'мясо в лодку положили' (Сорокина 1974 : 176). Много интересных форм ненецкого слова *m̄u-* и данных об его употреблении можно найти в записях М. А. Кастрена и Т. Лехтисало (Castrén-Lehtisalo 1960 : 281; Lehtisalo 1956 : 2786—280a).

Нельзя также забывать о наличии в северносамодийских языках таких слов, как (К) эн. *m̄i* 'was', нган. *m̄ā* то же .

Только путем основательного исследования послеложного и местоименно-наречийного инвентаря на **mV-* в самодийских языках можно прийти к окончательному решению вопроса о происхождении общесамодийского окончания прозекутива.

Сокращения

А — записи автора статьи; **В** — записи Г. Д. Вербова; **К** — записи М. А. Кастрена; **М** — записи Т. Микола; **П** — записи Г. Н. Прокофьева; **Т** — записи Н. М. Терещенко.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1975, Продольный падеж (на материале селькупского языка). — Языки и топонимия Сибири VII, Томск, 102—106.
- Кюннап А. 1970, К проблеме камасинского генитива. — СФУ VI, 119—125.
- Морев Ю. А. 1973, Варианты со взрывными и гоморганными носовыми в среднеобском говоре селькупского языка. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 50—53.
- Сорокина И. П. 1974, Функции послеложных конструкций в выражении пространственных отношений. (На материале энецкого языка). — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград, 174—178.
- Терещенко Н. М. 1974, Склонение в самодийских языках. — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград, 33—50.
- Castrén, M. A. — T. Lehtisalo 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu 122).
- Erdélyi, I. 1970, Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest.
- Hajdú, P. 1965, Morphologische Beiträge zur Kenntnis der samojedischen Sprachen. — Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung. Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag am 28. Februar 1965 dargebracht, Berlin (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen der Sprachwissenschaftlichen Kommission 5), 129—131.
- Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- Lehtisalo, T. 1956, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki.
- Mikola, T. 1975, Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen), Budapest.
- Viitso, T.-R. 1972, Uurimus kümnele ja siiski ka paljudele teistele. — KK, 438—442.

AGO KÜNNAP (Tartu)

ZUR FRAGE DER HERKUNFT DER GEMEINSAMOJEDISCHEN PROSEKUTIVENDUNG

Die gemeinsamojedische Prosekutivendung hat sehr viele phonetische Varianten im Nenzischen, Enzischen, Nganassanischen und Selkupischen. In den vorhandenen Aufzeichnungen über sajanamojedische Sprachen wird diese Prosekutivendung nicht belegt (s. darüber genauer Künnap 1971: 131—132).

Die zu betrachtende gemeinsamojedische Prosekutivendung kann aller Wahrscheinlichkeit nach auf das Ursamojedische zurückgeführt und in der Form **mVnV* rekonstruiert werden (s. auch Künnap 1971: 125). Doch die Frage über die Herkunft dieser Endung bleibt immer noch ungelöst, obwohl gewöhnlich angenommen wird, daß sie einer Postposition entstammt.

Folglich hat bei der Bildung der gemeinsamojedischen Prosekutivendung der Übergang der Lokativform **mV|nV* der Postposition **mV-* in die echte Kasusendung **mVnV* stattgefunden. Das ist aber unvereinbar mit der Annahme von T.-R. Viitso über die Herkunft der genannten Kasusendung von dem Wortbildungssuffix **-mV*, dem im Laufe der weiteren Entwicklung die Lokativendung **-nV* hinzugefügt wurde (s. Viitso 1972: 440).

Außer der Annahme von E. Becker, daß die Prosekutivendung des Selkupischen aus der selkupischen Postposition *imjn*, *imjt*, *imjt* 'entlang, auf, über' stammt, sind uns

weitere Versuche, die gemeinsamojedische Prosekutivendung mit den konkreten Positionen der samojedischen Sprachen zu verbinden, nicht bekannt. E. Becker nimmt ferner an, daß die erwähnte Postposition einen komplizierten Charakter aufweist, wobei *mĭ* 'Stück, Teil' und *-t* < *tō* 'jener, dorthin' ihre Bestandteile bilden (Беккер 1975: 103).

Doch E. Becker berücksichtigt gar nicht die Tatsache, daß *imĭn* usw. nur die Prosekutivform der selkupischen Postposition *i-*, *i-*ist, vgl. Lat. *ĩnti*, *ĩnti* : Lok. *ĩqin*, *ĩqit*, *ĩqit* : Abl. *ĩqini*, *ĩqini* (s. Erdélyi 1970: 41, wo E. Becker auch die Form *imĭn* usw. gefunden hat). Damit hat die von E. Becker vorgeschlagene Erklärung über die Herkunft der Prosekutivendung des Selkupischen gar keinen Sinn und fällt völlig weg. Keine Kritik duldet die Rekonstruktion der Endkomponente *-t* der Prosekutivendung in der Form *tō*, denn hier haben wir es einfach mit einer dialektalen phonetischen Entwicklung *-n* > *-t* zu tun (s. Hajdú 1965: 129—131; Künnap 1970: 119—120; Мопев 1973). Das Erwähnen des Wortes *mĭ* 'Stück, Teil' von E. Becker in diesem Zusammenhang verdient aber höchste Aufmerksamkeit.

Nur anhand einer ausführlichen Überprüfung des Belegmaterials des postpositionalen und pronominal-adverbialen Charakters auf **mv-* in den samojedischen Sprachen kann die Frage über die Herkunft der gemeinsamojedischen Prosekutivendung gelöst werden. Einige mögliche Beispiele eines solchen Belegmaterials werden in dem Aufsatz angeführt.